

Еще раз об
ЭТИМОЛОГИИ
«ЭТНОНИМА»
хинова*

**Владимир Владимирович
Напольских**

Уральский федеральный университет;
Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

**Олеся Дмитриевна
Сурикова**

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия;
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Revisiting the
Etymology of the
Quasi-Ethnonym
Hinova

Vladimir V. Napolskikh

Ural Federal University;
Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Olesya D. Surikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia;
Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russia

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

Авторы благодарны А. А. Гиппиусу и А. В. Савельеву за ценные замечания.

Цитирование: Напольских В. В., Сурикова О. Д. Еще раз об этимологии «этнонима» *хинова* // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 7–30.

Citation: Napolskikh V. V., Surikova O. D. (2026) Revisiting the Etymology of the Quasi-Ethnonym *Hinova*. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 7–30.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.01

Резюме

Статья посвящена проблеме значения и этимологии лексемы *хинова* — это знаменитый гапакс из «Слова о полку Игореве», употребленный в памятнике трижды и имеющий неясную семантику. Считается, что это слово является этнонимом — и в смысле референции, и этимологически. Начиная с XIX в. предлагалось множество версий его интерпретации; наиболее удачные из них (*хинова* — это гунны, венгры, половцы-куманы) критически разобраны в этой статье. Авторы статьи полагают, что более продуктивный путь — видеть в лексеме *хинова* не этноним, а апеллятив-атрибутив, не номинирующий конкретный народ, а характеризующий инородцев, врагов вообще. В таком случае можно связать *хинову* с обширным гнездом русской диалектной лексики на *хин-*, которая восходит к праслав. **хунити* ‘обманывать’ (< **хубати* ‘качаться, колебаться, двигаться’, ‘ошибаться’). Др.-рус. **хынѣ* могло бы означать ‘лукавый, обманщик, лжец’, производная от него форма им. п. мн. ч. *хынове* — ‘лукавые, нечестивые’, что вполне вписывается в известную модель номинации инородцев. Авторы полагают, что лексема *хинова* употребляется в «Слове» в двух разных, но взаимосвязанных значениях — широко (‘лукавые, нечестивые, неверные народы — о врагах в целом’) и узко (‘половцы как конкретные представители нечестивых народов’). В статье, кроме того, приводится интересная иранская параллель — осет. *xīn* ‘хитрый, лукавый, колдовство’ < иран. **hīnu* ‘колдовство, заклятие’ < **hā(y)* ‘связывать’. Авторы не исключают, что соответствующее аланское слово могло повлиять на употребление др.-рус. **хын-* в «Слове»: *xīn* могло употребляться аланами в отношении половцев, о чем знал автор «Слова», который поэтому использовал в своем тексте сходную по звучанию и значению русскую лексему. Это могло бы объяснить гапаксный характер лексемы *хинова* в «Слове».

Ключевые слова

древнерусский язык, славянские языки, иранские языки, этимология, языковые контакты, диалектная лексика, этнонимия, «Слово о полку Игореве»

Abstract

The article examines the problem of meaning and etymology of Old Russian *хинова*. It is a well-known hapax from *The Tale of Igor's Campaign*, which appears thrice in the text and has an unclear meaning. It was considered to be an ethnonym (both, referentially and etymologically). Since the 19th century, numerous interpretations have been proposed; the most plausible of them (*хинова* refers to the Huns, Hungarians or Cumans) are critically reviewed in this article. The authors are inclined to consider *хинова* not an ethnonym, but rather an appellative that does not name a peculiar nation, but is a characteristic of aliens and enemies in general. This allows to connect *хинова* with a vast lexical group in Russian dialects with the stem *хин-* < Proto-Slavic **хунити* ‘to deceive’ < **хубати* ‘to swing; to make mistake’. Thus, Old Russian **хынѣ* could mean ‘cunning, deceiver’ and its derivate (Nom. Pl.) *хынове*—‘deceivers; wicked’ (Russ. *нечестивые*, lit. ‘without honor’) and this fits into the a well-known model of naming the aliens. The authors suppose that *хинова* is used in the *Tale* in two related meanings: the wide one (‘wicked; infidel’ peoples—about

the enemies in general) and the narrow one (the Cumans as a representatives of the wicked peoples). In addition, the article suggests an interesting Iranian parallel: Ossetian *xīn* 'insidious; cunning; witchcraft' < Iran. **hinya* 'witchcraft; spell-binding' < **hā(y)* 'to bind'. The authors do not rule out a possibility that the Alanic word may have influenced the use of Old Russian **хын-* in the *Tale*: *xīn* may have been used by the Alans to refer to the Cumans, a fact known to the author of the *Tale*, who therefore used the Old Russian word similar by meaning and by sound. This could, besides, explain why *хинова* in the *Tale* was a hapax.

Keywords

Old Russian language, Slavic languages, Iranian languages, etymology, language contacts, dialectal lexis, ethnonyms, *Tale of Igor's Campaign*

Хинова — гапакс из «Слова о полку Игореве», употребляющийся в этом памятнике дважды, а вместе с производным от него прилагательным — трижды:

Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпа погасоста и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святѣславъ, тѣмоу ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста **хинови**.

Тѣми тресну земля, и многы страны — **Хинова**, Литва, Ятвязи, Деремела, и половци сулицы своя поврѣгоша, а главы своя подклониша подъ тѣи мечи харалужныи.

О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши **хиновъскыя** стрѣлки на своєю нетрудною крилцю на моя лады вои? [СОПИ 1950].

Это слово и его дериваты (*хинове (поганыи)*; *хиновя, поганые татаровя; хинела; поганый Мамай хиновин; шеломы хиновския / хиновѣския / хыновския / хыновские / хиновские*) также неоднократно встречаются в разных редакциях «Задонщины» (см. с контекстами ниже), но, вероятнее всего, они возникли в «Задонщине» не самостоятельно, а под влиянием «Слова» (что для многих параллельных мест в этих памятниках убедительно показал А. А. Зализняк [2008]), поэтому *хинову* следует все же считать гапаксом одного источника, из чего в дальнейшем мы исходим.

Форма *хинова*, вынесенная в заглавие нашей статьи, — своего рода дань традиции: именно в таком виде лексема чаще всего фигурирует в литературе, посвященной «Слову о полку Игореве» (в том числе в лингвистических трудах). На самом деле финаль *-а*, придающая слову облик собирательного существительного, — это, вероятнее всего, поздняя (XV–XVI вв.) замена окончания *-ове*: более древняя форма реконструи-

руется в виде *хы(и)нове* [Зализняк 2008: 241; Добродомов 1978], с ударением на первый слог [Николаев 2020: 512]. А. А. Зализняк объясняет такую замену контекстным грамматическим уподоблением: «В ряду *Литва*, *Ятвязи*, *Деремела* и *Половци*, где попеременно представлены собирательные и словоформы и. мн., словоформа *Хинове* была бы вполне на месте; а ее замена на *Хинова* легко объясняется влиянием следующего слова *Литва*. Трактовка *Хинова* как замены для *Хинове* находит прямую поддержку в тексте “Задонщины”, где мы находим *Хинове* (И-1), *Хиновя* (У)» [Зализняк 2008: 333]. Грамматически форма *хынове* представляет собой им. п. мн. ч., падежная форма *хынови* («великое буйство подаста хынови») надежнее всего трактуется как дат. п. ед. ч. от незафиксированного в древнерусском языке существительного на *й — *хынъ ‘?’ [Зализняк 2008: 333; Добродомов 1978: 102]¹. Далее, рассуждая о возможных истоках загадочной лексемы *хынове*, мы будем для удобства говорить об основе **хын-*, а не о прямом производящем *хынъ и не о его грамматических формах.

Лексема *хинова* очень интересовала исследователей «Слова» начиная по крайней мере с XIX в., и к настоящему моменту о ней есть большая литература — более или менее подробный обзор попыток интерпретации *хиновы* (хотя и не всех, но, по крайней мере, самых обстоятельных и/или цитируемых) дан в соответствующей статье в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» [Гузов, Творогов 1995], к которой мы и отсылаем читателя. Почти все интерпретаторы отталкиваются от идеи, что *хинова* — это некий загадочный этноним, и дальнейшие поиски (и этимологические, и исторические) направлены на обнаружение конкретного народа (и его имени), который этим словом обозначен (в числе редких исключений — Д. А. Расовский [1936], предположивший оттопонимное происхождение лексемы *хинова*, трактуемой, таким образом, как катойконим).

¹ С. Л. Николаев предлагает видеть в форме *хинова* собир. ж. р., для формы *хынови* он предлагает эмендацию *хиновъ* — дат. п. ед. ч. от *хинова* [Николаев 2020: 151]. Однако, по всей видимости, собирательные этнонимы на *-ва* от именных основ — это поздняя инновация, для древнерусского языка не характерная. Обычно *хинова*, трактуемая как собир. сущ., помещается в ряд этнонимов *литва*, *моравя*, *мордва*, *норова*, *лотва*, *дайнава*, *татарва*, но этот ряд, как мы показали в статье [Напольских, Сурикова 2024], мнимый. Формы *норова*, *моравя*, *литва*, *лотва*, *дайнава* (все балтизмы, кроме *моравы*) были заимствованы в древнерусский язык целиком (они реализуют отгидронимную модель в этнонимии и содержат балтославянский гидронимный формант *-(V)va). *Татарва* — очень поздний (XIX в.) украинизм. Форма *мордва*, как видится, возникла в рамках парадигмы склонения существительных на **-й* из первоначального этнотопонима *морды: *морды (*mordy*) > *мордовъ (*mordъvъ*) > *мордва* [Ibid.]. Таким образом, для XII в. *хинова*, понимаемая как форма собир., была бы изолированной. Кроме того, принятию собирательной формы *хинова* противоречит, по-видимому, и реконструируемое С. Л. Николаевым ударение на первом слоге.

Мы не будем здесь разбирать маргинальные и очевидно неудачные версии (связь с *финнами* по Вс. Ф. Миллеру, с названием города *Кинов* у Идриси по Д. А. Расовскому, с китайской династией *Цзинь* по Л. Н. Гумилеву или европейским названием Китая индийско-персидского происхождения типа нем. *China* и т. п.) — см. обо всем этом еще [Добродомов 1978]. Однако две гипотезы заслуживают рассмотрения.

Во-первых, это предположение П. Г. Буткова, подкрепленное затем авторитетами А. А. Потебни и А. И. Соболевского [Гузов, Творогов 1995] о связи **хын-* с названием *гуннов*. Действительно, европейские названия гуннов (греч. *Οὐννοι, Χουννί*, лат. *Hunni, Huni* др.-в.-нем. *Hûn*) вкуче с восточными данными (согд. *хwn*, сир. *hûn*, санскр. *hūna-*) и китайской реконструкцией (匈奴 *xīōngnú* < **xiawŋ-nə*) [Golden 1992: 57–58] указывают на корневое **û* в этом этнониме (самоназвании?), которое закономерно должно было дать **у* (> др.-рус. *ы*) в праславянском [Sobolevskij 1909: 474]. Проблема заключается в том, что, помимо др.-рус. **хын-* в «Слове», гипотетическое праслав. **хуп* ‘гунны’ не отражено более ни в одном славянском языке или письменном памятнике (это существенно, если считать слово праславянским, а только таким может быть заимствованное не позднее IV в. название гуннов), в том числе и в русских. Приводимые для доказательства его существования топонимы типа чеш. *Chýně, Chýnov, Chýnice* и т. п. [Соловьев 1964: 368] аргументами не являются, поскольку эти поздние ойконимы (фиксируются с XIII–XIV вв.) имеют славянскую (от **хунити* ‘обманывать’ — см. ниже) или другую этимологию, в частности в связи с производными от монгольского (татарского) *хан* [Profous 1949: 82–85], и к гуннам никакого отношения не имеют². Конечно, «Слово» богато на такие этноисторические гапаксы («вѣчи Трояни», «готскія дѣвы», «время Бусово» и др.), но тем не менее полное отсутствие параллелей при неясности значения в контекстах требует с осторожностью отнестись к данной этимологии.

Отчасти по этой причине — чтобы объяснить внезапное появление забытого названия древнего народа в «Слове» — была предложена гипотеза (впервые, видимо, Р. Якобсоном и М. Шефтелем, подробнее см. [Moravcsik 1960], далее [Менгес 1979: 168–170]³) о том, что под

² Благодарим редакцию журнала «Словѣне» за указание на цитируемую работу. Ср. здесь еще российские ойконимы, упоминаемые в [Зимин 2006] и подтверждаемые материалами [НКРЯ]: д. *Малая Хиновка* на Ярославщине (1501), с. *Хиновское* в Рязанской земле (1567–1568). Кроме того, ср. еще гидронимы — оз. *Хиновка* и р. *Хиновка* в Невельском р-не Псковской обл. (https://yandex.ru/maps/10926/pskov-oblast/geo/ozero_khinovka). Без исследования этих топонимов в контексте местных топонимов уверенно говорить об их этимологии невозможно, соответственно, их не стоит использовать как аргументы в решении проблемы *хиновы*.

³ К. Менгес поспешно принял гипотезу Д. Моравчика, но, видимо, чувствовал ее слабость, вследствие чего писал: «...вероятно, не в каждом отдельном примере

«гуннами» — *хын — в памятнике, скрываются венгры, которых в европейских источниках с X в. действительно называли «гуннами». Проблему упоминания в «Слове» наряду с *хын в значении ‘венгры, венгерский’ и обычного *угорский* («угорскими иноходцы», «горы Угорьские») Д. Моравчик решает, полагая, что *угорский* используется в «Слове» в географическом смысле (в случае с «угорскими иноходцами» такое объяснение выглядит не очень убедительно). Кроме того, он расширил топонимический аргумент, приведя этноним *Χούναβοι* и название епископства *Χούναβία* в районе Дурреса в византийских источниках — якобы след пребывания на Балканах ранних венгров, именовавшихся «гуннами» [Moravcsik 1960: 71–72]. Данные ономастики, однако, и здесь никакого значения не имеют: то, что *Χούναβοι* — название каких-то маргинальных балканских венгров, является ничем не подкрепленным предположением Моравчика, славянское происхождение данного балканского онима не доказано.

В общем венгерская версия не улучшает позиции гипотезы о связи *хын с названием гуннов, поскольку в силе остается главный контраргумент: отсутствие этого слова где-либо еще в русских источниках и в других славянских языках. Причем контраргумент этот выглядит для венгерской версии даже сильнее: отсутствие воспоминаний о давно исчезнувших гуннах еще можно понять, но уникальное употребление такого названия в отношении хорошо известных венгров просто необъяснимо. Следует еще иметь в виду, что путаница имен гуннов и венгров в иностранных источниках — явление, характерное для ученых текстов, и, вероятно, если такую путаницу предполагать в древнерусском, ее также следовало бы ожидать скорее в летописях и т. п. (где *хын-отсутствует), нежели в поэтическом «Слове».

Не указывают на венгров и контексты. Непонятно, как пленение половцами новгород-северского князя могло порадовать венгров («великое буйство подаста хинови») — половцы представляли угрозу на юго-восточных границах Венгерского королевства, и их успехи не были бы на руку венграм. В отличие от ятвягов, литвы и половцев венгры вряд ли когда-нибудь склоняли головы перед Романом Мстиславичем Галицким («Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и половци сулицы своя повръгоша, а главы своя поклониша под тыи мечи харалужныи») — напротив, Андраш II некоторое время номинально правил Галичем, а позднее неоднократно помогал сыну Романа Даниилу в борьбе за

слово *хынъ* обозначает венгров; иногда оно употреблялось в том же самом смысле, что и этноним гуннов [...] или даже *Σχόδαи* [Менгес 1979: 169]. Хотелось бы, конечно, узнать, к какому из трех случаев употребления в «Слове» относится это «иногда», но так или иначе это весьма симптоматичное высказывание практически ликвидирует смысл гипотезы Моравчика.

Галич, и когда венгров из Галича изгоняли, то делал это отнюдь не Роман Мстиславич.

Таким образом, этимология **хын* от имени гуннов фонетически вполне приемлема, но не имеет никаких подтверждений в источниках и в живых языках, в силу чего остается чисто гадательной, хотя и формально опровергнута быть не может. У предположения о том, что под **хын* в «Слове» скрываются венгры, оснований еще меньше.

Вторая гипотеза, которую можно упомянуть, принадлежит И. Г. Добродомову [1978]. Вообще, его статья — едва ли не лучшее из всего, написанного по интересующему нас вопросу. Приведя разумные доводы против отождествления **хын* с гуннами и венграми, Добродомов предложил выводить это слово из названия восточного племенного объединения кыпчаков, *куны* (*qūn*) [Добродомов 1978: 105–106]. Эту его гипотезу раскритиковал К. Менгес [1979: 169–170], обвинив Добродомова в непонимании трудов тюркологов, поскольку тот допускал переход **q > x* в кыпчакских языках, в которых такого перехода не было. Это замечание справедливо в отношении ранней короткой рецензии [Добродомов, Улукханов 1966: 118], с которой был знаком Менгес, но в цитируемой здесь работе (ее Менгес не мог учесть) Добродомов, оставляя пассаж о переходе **q > x* в кыпчакских языках [Добродомов 1978: 106], предлагает другую возможность: переход **q > x* в болгарском и проникновение **qūn* в древнерусский через болгарское посредство [Ibid.: 126].

Действительно, переход **q > *x* в болгарском довольно ранний (в волжско-болгарских эпитафиях XIII–XIV вв. уже достоверно *x*: *هير* [*hir*] ‘дочь’ ~ чув. *xər* ~ Z-тюрк. *qyz*, *خرخ* [*xərx*] ‘сорок’ ~ чув. *xərax*, Z-тюрк. *qyrq* [Erdal 1993: 114–120]), но едва ли синхронный праславянскому переходу **ū > *y*: в болгарских заимствованиях в венгерском (V–IX вв.) **q* обычно передается через *k*, и только в нескольких словах возможно отражение **x* (венг. *harang* ‘колокол, колокольчик’, *homok* ‘песок’ и др.) [Gombocz 1912: 83–84, 165–166; Agyagási 2019: 70]. Проблема была тщательно рассмотрена А. В. Дыбо, которая пришла к выводу об относительно позднем происхождении слов с тюрк. **x > венг. h* из языка кумано-печенежского типа, где такой переход (вопреки Менгесу) все же имел место. Но это верно для IX–XII вв., а никак не для праславянского времени (которое подразумевает развитие **ū > *y* в **хын*). Что касается праславянского, то болгарские заимствования в нем системно отражают формы до спирантизации **q > *x* (**kovъčegъ*, **korgiъ* ‘ястреб’, **kvarъ* ‘вред’) — так же, как в венгерском [Дыбо 2014]. Кроме того, хронологические проблемы вызывают и исторические обстоятельства: название *кунов-половцев* вряд ли могло быть актуально для славян (да и для болгар) раньше XI в., особенно если учитывать, что *куны* — это восточные

группы половцев (тем более невероятно это для праславянского времени), и предполагать для столь позднего периода переход **ǫ > *y* в славянском оснований нет. Следовательно, заимствование этнонима **qǫn* дало бы в праславянском **kǫnъ* (но по историко-географическим соображениям было невозможно), а в более позднюю эпоху при болгарском или печенежском посредстве — **хипъ*, и искомую форму **хын* получить по версии Добродомова невозможно.

Таким образом, обе заслуживающие внимания гипотезы отэтнотимического происхождения **хын* оказываются неудовлетворительными, и исследование на этом пути заходит в тупик. Как видится, имеет все же смысл не искать непременно конкретно-отэтнотимную этимологию *хиновы* из «Слова о полку Игореве», а подумать об апеллативном ее этимоне — и, возможно, о не слишком конкретном референте. Иными словами, перспективным кажется направление поисков, когда мы предполагаем, что слово *хинове* в памятнике имеет не ономастический статус (и называет один-единственный народ), а апеллативный, возможно, даже выполняет функцию эпитета, — и производящая основа **хын-* также не имеет отношения к этнонимии. Сразу оговоримся, что подобная мысль уже высказывалась прежде, но не получила ни достаточной проработки, ни должного внимания в последующей исследовательской традиции.

Так, еще в 1882 г. Д. И. Прозоровский писал: «...надлежит заключить, что название *Хин* не было народным или племенным, а означало народов полудиких, преимущественно тех, которые тревожили Русь набегами» [Прозоровский 1882: 62]. Прозоровский рассматривал интересующую нас лексему как обобщающую характеристику ряда народов, но не этноним («Хиновы племена: Половцы, Литва, Ятвяги, Деремела» [Ibid.: 28]), реконструируя текст «Слова» следующим образом: «и многи страны Хинова: Литва, Ятвязи, Деремела и Половци» [Ibid.: 44]⁴. Хотя предложенная Прозоровским связь **хын* с греч. *χῆν, χῆνός* ‘гусь’ вряд ли приемлема, следует отметить, что он, по-видимому, впервые привлек для объяснения **хын* русскую диалектную лексику: великолуцкое *хинарный* ‘лукавый’ [Ibid.: 62–63].

В 1955 г. Н. К. Гудзий мельком, не вдаваясь в подробности, комментирует лексему *хинова* в издании «Слова о полку Игореве»: «*Хинова* — в древнерусском языке собирательное имя для обозначения “поганных басурман”» [СОПИ 1955: 76; цит. по: Соловьев 1964: 367].

Авторы статьи «Хин(ова)» в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» В. Г. Гузев и О. В. Творогов, проанализировав сумму основных

⁴ Пунктуация Прозоровского здесь перекликается с пунктуацией первого издания «Слова»: «тѣмъ тресну земля и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулицы своя повръгоша» [Слово 1800: 32].

этимологий, предлагавшихся для *хын-, подводят такой итог (не предлагая конкретных лингвистических решений): «Все это побуждает допустить предположение, что под Х[иновой] не скрывается какой-то определенный народ, а корень хин указывает лишь на враждебную русским силу. [...] Поэтому значение ‘враг, противник, неприятель’, как представляется, в наибольшей степени соответствует всем контекстам, в которых Х[инова] употребляется в “Слове”. Предлагаемое значение снимает затруднение, возникающее при истолковании контекста, в котором словоформа Х[инова] предшествует перечислению врагов» [Гузев, Творогов 1995: 182]⁵.

Поиск связей *хын- с апеллятивной лексикой древнерусского языка результатов не дает: в словарных материалах, уже опубликованных на сегодняшний день (в том числе в [НКРЯ]) и пока являющихся архивными⁶, старые слова с основой хын- (включая приставочные образования) не обнаруживаются. Ту же картину, судя по всему, демонстрирует лексикон берестяных грамот⁷. Однако это не является непреодолимым препятствием, ср. замечание А. А. Зализняка: «Постоянная лингвистическая ошибка [...] состоит в презумпции [...], что если слово не встретилось в дошедших до нас древнерусских памятниках, то его не было в древнерусском языке и что если оно не встретилось, например, ранее XVI века, то оно и появилось в языке лишь в этом веке или чуть раньше. В настоящее время уже совершенно ясно, что это глубокое заблуждение. [...] Несмотря на значительный общий объем, дошедший до нас фонд древнерусских памятников не имеет никаких шансов охватить всю лексику древнерусского языка — прежде всего ввиду ограниченности своей тематики» [Зализняк 2008: 206]. Благодаря богатому русскому диалектному материалу, опубликованному к настоящему времени, и в особенности сводным данным, содержащимся в 50–52-м томах «Словаря русских народных говоров» (на букву Х), которые увидели свет в 2017–2021 гг., наши эвристические возможности расширяются.

Так, в [СРНГ] находим обширный ряд русских диалектных слов разной частеречной принадлежности и с разным аффиксальным оформле-

⁵ Далее, однако, авторы вновь возвращаются к мысли об этнонимной природе *хиновы*: «Сказанное не противоречит предположениям о том, что слово Х. когда-нибудь могло быть обозначением какой-либо группы населения (в том числе и этнонимом): вполне допустимо, что название конкретного народа, находившегося во враждебных отношениях с русскими княжествами, могло превратиться в нарицательное существительное, в обозначение любого противника, посягающего на русские земли» [Гузев, Творогов 1995: 182].

⁶ Мы благодарим Я. В. Пенькову за помощь в ознакомлении с картотекой [СЛРЯ XI–XVII вв.].

⁷ За консультацию благодарим А. А. Гиппиуса.

нием с основой *хин*-⁸. Их можно разделить на несколько групп, в которых реализуется разная (негативная) семантика:

1) 'наклонять, кренить': пск., твер., смол. *хинуться* 'наклониться, накрениться' [СРНГ, 50: 133], смол. *нахину́ть* 'нагнуть, наклонить' [СРНГ, 20: 259], смол. *похи́нуть* 'погнуть, наклонить что-л.' [СРНГ, 30: 347];

2) 'нечто искривленное, слабое, болезненное, бесполезное': перм. *хи́нять* 'слабеть от долгой болезни, хиреть' [СРНГ, 50: 135], морд. *хинóз-ный* 'хилый, больной' [СРНГ, 50: 133], арх. *хи́нушка* 'сосна, растущая на болотистой местности' [СРНГ, 50: 134], орл. *хинь*, курск., орл., тул., калуж. *хи́ня* 'что-л. ничтожное, пустяковое, бесполезное' [СРНГ, 50: 134, 135], дон. *хи́нья-позаты́нья* 'о бесполезных, бестолковых действиях кого-л.' [СРНГ, 50: 135];

3) 'исчезновение, неудача; смерть, болезнь': смол. *хинь* 'погибель' [СРНГ, 50: 134], орл. *хино́м пропасть* 'пропасть без следа' [СРНГ, 50: 133], ряз. *в хинь пойти, пролететь хинью* 'пропасть полностью, без какой-л. ощутимой пользы', курск., брян., калуж., ряз., дон., краснояр. *пойти (идти) хинью* 'истратиться, испортиться, пропасть полностью без какой-л. ощутимой пользы', орл., дон. *пройти (проходить) хинью* 'то же', смол. *разойтись хинью* 'окончиться ничем, провалиться (о деле)', смол. *хинь* междом. бран. 'пожелание, обращенное к кому-л., вызывающему раздражение: сгинь, исчезни' [СРНГ, 50: 134–135], возможно, также зап.-брян. *хинтя* 'лихорадка' [СРНГ, 50: 133];

4) 'обман, лукавство': пск. *хинáрничать* 'хитрить, лукавить', пск. *хинáрный* 'хитрый, лукавый' [СРНГ, 50: 132]⁹;

5) 'брань, хула; злая насмешка': *хи́нить* арх., влг., сев.-двин., перм., твер., олон., карел., беломор., иван., казан. 'ругать, хаять кого-л., осуждая его действия, и тем самым порочить, чернить кого-л., арх. 'давать плохую оценку чему-л., хулить', арх. 'обвинять кого-л. в чем-л.', арх. 'в свадебном обряде — петь насмешливые песни про сватов или жениха, если они плохо одаривают подружек невесты', олон. *хини́ться* 'смеяться' [СРНГ, 50: 133], арх. *хи́нивать* 'неоднократно бранить, осуждать кого-л.' [СРНГ, 50: 132], арх. *хиня́ть* 'порицать, ругать', арх. *хи́ня* 'тот, кто ругается, бранится' [СРНГ, 50: 135], сев.-двин. *захи́нить* 'охулить, опорочить' [СРНГ, 11: 147], арх. *нахи́нуть* 'опорочить, охаять кого-л.' [СРНГ, 20: 259], арх. *охи́нить* 'дурно отзываться о ком-л., опорочить

⁸ По понятным причинам исторического развития фонетики для диалектных материалов, зафиксированных в XIX–XX вв., которые преимущественно содержатся в [СРНГ], облик основы *хын- не характерен.

⁹ Словообразовательно ср. *бондарь* — *бондарный* — *бондарничать*, *токарь* — *токарный* — *токарничать* и мн. др., предположительно от незафиксированной формы сущ. с суф. деятеля *хинарь 'тот, кто обманывает, живет обманом'.

кого-л.; охаять' [СРНГ, 25: 30], арх. *похѣнуть* 'сказать что-л. с осуждением, похаять', арх. *похѣнѣть*, 'выражать недовольство чем-л., пенять, ругать, хулить', арх. *похѣнка* 'порицание, хула' [СРНГ, 30: 347]¹⁰.

Нетрудно заметить, что значения (1) и (4) реализуются скорее в западном диалектном ареале, значение (3) — в основном в южных русских говорах, значение (5) — преимущественно на Русском Севере. Но это не мешает считать соответствующие лексемы продолжениями одной основы. К тому же некоторые из перечисленных семантических возможностей имеют славянские параллели, ср.:

- 'наклонять, кренить': польск. диал. *chynąć* (*się*) 'зашататься, закачаться, потерять равновесие, наклониться' [SGP, 11: 218], блр. *хінáць* 'наклонять', *похінуць* 'наклонить', *хінуцьца*, *похінуцьца*, *схінуцьца* 'наклоняться, клониться', *хінáнне* 'нагибание, наклонение' [Носович 1870: 678], укр. *хібнути* 'покачнуть, наклонить', 'наклониться' [Гринченко, 4: 396; цит. по: Варбот 1984: 148];

- 'нечто искривленное, слабое, болезненное': польск. диал. *chynięty* 'о человеке: с рождения искривленный на один бок', 'больной грыжей' [SGP, 11: 218];

- 'неудача; болезнь': польск. диал. *chynąć* 'ухудшаться, хиреть' [SGP, 11: 218], возможно, укр. *хиндя* 'лихорадка' [Гринченко, 4: 398], укр. *хібнути* 'не удался' [Гринченко, 4: 396; цит. по: Варбот 1984: 148];

- 'обман, лукавство': ср. серб.-ц.-слав. *хынити* 'обманывать', *хына* 'обман', с.-х. *хынити* 'фальшивить, лицемерить', словен. *hiniti* 'то же' [Фасмер, 4: 238], с.-х. (диал.) *hin* 'лживый', *hinac*, *hinjac* 'обманщик', *hina* 'обман, ложь' [Skok, 1: 667], серб.-ц.-слав. *пръхынити* 'обмануть' [Matzenauer 1881: 8].

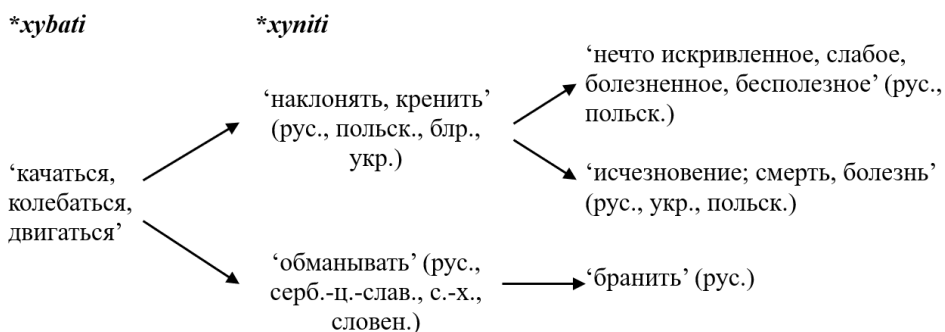
Все эти значения надежно связываются этимологией, предложенной А. Маценауром [Matzenauer 1881: 8–9] и затем дополнительно обоснованной Ж. Ж. Варбот [1984: 148–149]: п.-слав. **xyniti* — **xynōti* < **xybnōti* < п.-слав. **xybati*, **xybēti*, **xybiti* 'качаться, колебаться, двигаться', 'ошибаться', 'недоставать'¹¹. Маценаур в качестве аргумента

¹⁰ Отметим, что задолго до публикации [СРНГ, 50–52], в 1994 г., вышла замечательная книга В. В. Виноградова (1894–1969) «История слов» — посмертная публикация разрозненных материалов ученого. В статье «Ахинея» по первоисточникам приводится множество русских диалектных слов на *хин*, реализующих выделенные нами семантические линии, а также восстанавливается их общеславянский фон. В. В. Виноградов предлагает отнести к гнезду *хынить*, *хинуть* 'порицать, хаять', 'гнуть, наклонять' также общепольское слово *ахинея*, убедительно сравнивая его с диал. *хынѣ* 'пустяки и проч.' [Виноградов 1994].

¹¹ Эта версия не единственная: гораздо более известна этимология Э. Бернекера [Berneker, 1: 413], поддержанная М. Фасмером [4: 237–238]: о связи рус. диал. *хѣнуть* (ся) 'наклонить(ся)', *хѣнить* 'хулить, осуждать, порицать' с гнездом рус. *хилый* < праслав. **xylъ* (**xyliti*). Недостатки этой этимологии указаны в [Варбот 1984: 148], отверг ее и О. Н. Трубачев в 1981 г. в очередном выпуске ЭССЯ [8:

связи **хунити* ‘обманывать’ и **хубати* ‘качаться’ приводит ц.-слав. *подъхыба* ‘лесть’ *подъхыбънь* ‘лстивый’, с.-х. диал. *podhiban* ‘лукавый’ [Matzenauer 1881: 8–9], Ж. Ж. Варбот указывает еще словообразовательные и семантические параллели из других гнезд: словен. *hlíniti* ‘бросаться’ и *hlíniti se* ‘лицемерить’; рус. *кидать(ся)* и *прикинуться*; словен. диал. *rošinjén* ‘горбатый’ и ‘лицемер, ханжа’; слав. **šibati* ‘бить, толкать’ (откуда рус. *ошибка*) и **šīnōti* (откуда польск. *szynąć* ‘склонить, опустить’) [Варбот 1984: 148–149].

Для приведенного спектра славянской (и, в частности, русской диалектной) лексики из праслав. **хубати* > **хунити* логика развития значений реконструируется следующим образом:

157–158] (ранее, комментируя Фасмера, Трубачев еще не имел возражений против версии Бернекера). О. Н. Трубачев [Ibid.] предложил возводить праслав. **хунити* ‘обманывать, притворяться’ < **хун-* к и.-е. **skū-n-* (ср. др.-инд. *skunāti*, *skunōti* ‘покрывать’, греч. *σχυία* мн. ‘брови’, ср.-в.-нем. *schüne*, нем. *Scheune* ‘сарай’ < **кров*’, др.-исл. *skaun(n)* ‘щит’ < и.-е. **(s)keu/*(s)kū* ‘покрывать’, без славянских данных [IEW: 951–953]), не приводя в этом гнезде дериватов **хунити* со значениями ‘наклонять; кривой; болезнь и т. п.’ (см. выше) и никак не объясняя такое игнорирование (учет этих значений существенно ослабил бы этимологию от и.-е. **(s)keu* ‘покрывать’). Возможно, данное обстоятельство как раз связано с отрицанием связи **хунити* с **хулъ*, **хылити*, но согласиться с таким подходом нельзя. Заметим еще, что предложенные в ЭССЯ [8: 115–116, 155–156] решения для **хулъ*, **хылити* мало проясняют дело. Вообще, сильная контаминационная активность продолжений праслав. **хул-*, **хун-*, **хуб-* и **хут-*, по крайней мере в восточнославянских языках, бросается в глаза: эти основы часто дают лексику с одинаковой словообразовательной структурой и похожей (или идентичной) семантикой. Конечно, во многом это связано с экспрессивным характером начального **ху-* [см.: Шарифуллин 1998: 385–387], но, полагаем, аргумент фоносемантики не может быть здесь исчерпывающим. Этот вопрос требует отдельного исследования (см. в связи с этим: «польск. *chynąć* фонетически совпадает с <с.-х.> *hinititi*, но семантически это то же, что <с.-х.> *hiliti*. Таким же образом праславянская основа *hy-* расширена в *hiliti* формантом *l*, в *hinititi* формантом *l*» [Skok, 1: 667]; в статье «*Hinititi*» П. Скок приводит также лексику на *him-*: *himben* ‘фальшивый, ложный’, *himbenica*, *himbenjak*, *himbenost* и др. [Ibid.]). В новейшем «Этимологическом словаре хорватского языка» Р. Матасович возвращается к этимологии праслав. **хунити* от и.-е. **(s)keh*, *u-* ‘скрывать, покрывать’ [ERH, 1: 325].

Смысловым шагом, реализованным специфически в севернорусском анклаве, является только звено ‘обман, клевета’ → ‘брань’. Но для лексики соответствующих семантических полей (обозначающей в широком смысле агрессивное речевое поведение) связь возможна и в нашем случае не уникальна, см. на русском диалектном материале [Хелемндик 2007: 67; Кучко 2017: 160–161].

Вернемся к интересующей нас форме *хынове* из «Слова о полку Игореве». Если встраивать производящее для нее сущ. ед. ч. **хынъ* в описанное гнездо апеллятивной лексики из праслав. **хунити* (др.-рус. **хынити*, рус. *хинить, хинуть*), то современная русская диалектная лексика дает четкую словообразовательную параллель — отглагольное существительное муж. р. **хин* (орл. *хином пропасть* ‘пропасть без следа’), ср. также сущ. ж. р. *хинь* (смол. *хинь* ‘погибель’ и др.), сущ. общ. р. курск. *хиня* ‘ничтожество’ (цит. по [Виноградов 1994]) и др. В содержательном плане, ориентируясь на смысловые линии, которые реализуются в гнезде, для **хынъ* можно предполагать сравнительно широкую негативную семантику. Однако логика ксеномотивации, чаще всего присваивающая инородцам характеристики не просто негативные, но принижающие, «обличительные» [см. подробно: Березович 2007: 112–136; 404–466], заставляет обратить особое внимание на слова с основой *хин-*, имеющие семантику ‘обманывать, лукавить’ (тем более что это значение зафиксировано во всех группах славянских языков, и — особенно важно — в сербском изводе церковнославянского¹²). **Хынъ* в таком случае могло означать условно ‘лукавый, обманщик, лжец’ — это реализация весьма распространенного мотива номинации инородцев, ср. современные данные: рус. пск. *омазу́риться* ‘стать бесчестным человеком, мошенником’ [СРНГ, 23: 196; цит. по: Березович 2007: 412], укр. *підпускати, підвозити москаля* ‘лгать, надувать, обманывать’, болг. *влашки циганин* ‘лжец’, англ. *Irish evidence* ‘ложное свидетельство’, нем. *türken* ‘действовать нечестно, обманывать’ [цит. по: Березович 2007: 413, 445]; ср. также в севернорусских былинах (Мезень): *сорочина злолукавая, сорочина прехитрая, сорочина прехитра премудрая*¹³ [Былины: 364].

Из старых русских эпитетов врагов наиболее близко к тому, о чем мы говорим, определение *нечестивый*. В. Н. Рудаков сделал тонкие наблюдения относительно содержания понятия «нечестивость» и его связи с лукавством и обманом в древнерусском языке: «...такие

¹² Интересно, что современные русские диалектные материалы дают фиксацию этого значения только в псковских говорах [СРНГ, 50: 132]. В связи с этим напомним о позиции А. А. Зализняка [2008] относительно северо-западного происхождения «Слова о полку Игореве», в уточнении С. Л. Николаева [2020: 245–250] — торопецко-селижаровского.

¹³ За пример благодарим Е. Л. Березович.

качества, как “лѣстивость”, использование “лести” (ср. значения слов *лѣстивый*, *лѣстный* в древнерусском языке: ‘коварный’, ‘являющийся хитростью’, ‘имеющий целью обман’, ‘лживый’, ‘обманчиво влекущий’, ‘таящий в себе опасность’, ‘пагубный’ и даже ‘антихрист’) должны были порождать у читателей достаточно четкие ассоциации с примерами нечестивого поведения вообще, а также с качествами “нечестивых” народов. В частности, в текстах Священного Писания, знакомство с которыми столь охотно демонстрирует летописец [Ипатьевской летописи], лѣстивость, коварство — суть неотъемлемые черты тех, кого называют “нечестивыми” (ср.: “уста его (‘нечестивого’. — В. Р.) полны проклятия, коварства и лжи; под языком его мучение и пагуба”, во время прихода в город “нечестивого” “обман и коварство не сходят с улиц его”, “человек лукавый, человек нечестивый ходит со лживыми устами”, “помышление праведных — правда, а замыслы нечестивых — коварство”...» [Рудаков 2014: 77]. Эпитет *нечестивые* в отношении главных врагов — татар — употребляется уже в Ипатьевской летописи [Ibid.: 75–78] и является устойчивым в древнерусской книжности и фольклоре — наравне с такими определениями, как *безбожные*, *беззаконные*, *бесчестные*, *окаянные*, *поганные* и др. [Ibid.] (причем важно, что одни и те же характеристики присваиваются разным «актуальным» врагам — например, ранее половцам и позднее татарам).

Не исключено, что в ряд этих и подобных им пейоративов могло бы встроиться и определение **хинов*¹⁴, *хиновский* ‘лукавый, лживый’, связанное с сущ. **хин* (**хынъ*) ‘лукавый, обманщик, нечестивый’. О возможности выражения признакового значения с помощью имени в ксеномотивационных контекстах в древнерусском языке свидетельствует, во-первых (в качестве промежуточного этапа), довольно частотное употребление прил. в знач. сущ. (ср.: «казнить нас Богъ нахоженьемъ **поганныхъ**», «**безбожнии** со лживым миром живуше, велику пакость землям творять, еже и zde много зла створиша» (Лавр.), «Чада, не оубоимся о прельщнии от **нечестивых** и не приемь си во оумъ тленънаго сего и скоро миноующаго житья» (Ипат.) [цит. по: Рудаков 2014: 65, 69, 78] и под.), во-вторых (и в-главных), образование существительных типа **поган* < *поганые*: «не томими ли есмы на всякъ день от *безбожныхъ* и *нечистыхъ поганъ*?» (Правило Кюрила митрополита Русского, 1274, цит. по [Рудаков 2014: 60]).

И форма, и содержание контекстов, в которых **хын-* употребляется в «Слове о полку Игореве», также не мешают нам видеть в этой лексеме не конкретный этноним, а апеллатив-атрибутив (контекст «хиновъскыя

¹⁴ Желание «допустить существование» прилагательного **хиновъ* ‘вражеский’ возникает и у авторов «Энциклопедии “Слова...”» [Гузев, Творогов 1995: 182].

стрѣлки» может читаться: «стрелы, принадлежащие нечестивцам / неверным»; контекст «великое буйство подаста хинови» читается как «великую радость подал нечестивому (врагу)». Единственный фрагмент из трех, где для **хын-* можно заподозрить конкретно-этнонимическое функционирование, — это список покоренных народов: «Тѣми тресну земля, и многы страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и половцы сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тьи мечи харалужныи». Однако напомним здесь уже обсуждавшийся аргумент Д. И. Прозоровского: *хинова* (Зализняк: **хинове* — см. выше) в этом списке занимает первое место и может расцениваться как родовой термин (обобщающая характеристика) по отношению к последующим этнонимам (в таком случае предлагается чтение вроде «и многие страны-нечестивцы / неверные: литва, ятвязи, деремела и половцы»). Такая интерпретация **хын-* снимает противоречие, возникающее, если видеть в этой лексеме номинацию половцев (как это неоднократно предполагалось): почему один народ упомянут в одной синтагме дважды — сначала под именем *хинова*, затем — *половцы*? [см. еще: Добродомов 1978: 108 *passium*].

Но для двух других фрагментов с участием **хын-* «половецкая версия» вполне адекватна, см.: «Во всех трех случаях речь идет о врагах Руси, которые радуются поражению Игоря, боятся могущества отдельных князей и стрѣлки которых ветер нес на русских воинов. В первом и последнем случае такими врагами могли быть только половцы: половцы обрадовались поражению Игоря, половецкие стрелы летят на русских воинов» [Добродомов 1978: 108]. Указанная Добродомовым нестыковка в чтении трех фрагментов «Слова» легко устраняется, если выдвинуть простое предположение, которое, насколько нам известно, до сих пор почему-то пропускалось исследователями (хотя оно логично и лежит на поверхности): **хын-* в памятнике употребляется в двух разных значениях — в широком ('лукавые, нечестивые, неверные народы — о врагах в целом') и в узком ('половцы как конкретные представители нечестивых народов'). Семантическая деривация 'негативная характеристика' → 'конкретный народ, которому она приписывается' вполне типична и особенно ожидаема, когда речь идет о главных врагах в конкретной историко-политической обстановке (ср. выше летописные контексты с участием эпитета *поганые*, затем **поганы* в функции имени; на современном материале см. [Березович 2007: 112–136]).

Дополнительным аргументом для этого предположения может служить характер функционирования **хын-* в «Задонщине». Словами с этой основой в «Задонщине» обозначены татары (актуальный враг,

пришедший на смену половцам периода создания «Слова»), и контексты с участием **хын-* делятся на несколько категорий¹⁵:

1) существительное с **хын-* — единственная (заместительная) номинация татар во всем фрагменте, употребляется без эпитетов: «Уже бо възскрипели телегы меж Доном и Непром, идут *хинове* в Русскую землю» (И-1, л. 218);

2) существительное с **хын-* употребляется в роли этнонима, сопровождается другим постоянным эпитетом татар и соседствует с прямым указанием на татар в том же фрагменте: «от него же родися *Хиновя, поганые татаровя, бусормановя*» (И-1, л. 171), «Уже бо скрипели телеги между Доном и Непром, а идут *хинове поганьи* к Руской земли. И притекоша серые волцы от уст Дону и Непра и, ставши, воют на реке, хотя на Мечи поступите в Рускую землю. И то были не серые волцы, придоша *поганые татаровя*, хотят пройти, воюючи, всю Рускую землю» (У, л. 178); «Быти стуку и грому велику межю Дономъ и Непромъ, идетъ *хинела*¹⁶ на Русскую землю. Серие волци воють, то ти были не серие волци, придоша *поганые татарове*, хотятъ пройти, воюючи, взяти всю землю Рускую» (К-Б, л. 125об.), «Вжо, брате, възскрипели телегы *татарския* межю Дона и Днебра, идут *хинове* и в Рускую землю» (С, л. 38об.), «Стреляй, князь великий, по всем землям, стреляй, князь великий, с своею храброю дружиною *поганого* Мама *хиновина* за землю Рускую, за веру христьянскую» (И-1, л. 223);

3) прилагательное с **хын-* (относительное или притяжательное) соседствует в пределах фрагмента (часто в отношениях синтаксического параллелизма) с постоянным эпитетом татар или прилагательным *татарский*: «Уже бо те соколе и кречеты за Дон перевезлися и наехали рустии сынове на силную рать *татарьскою*, ударишася копии хараужничьными о доспехы *татарскыя*, възгремели мечи булатныя о шеломы *хиновския* на поле Куликове на речки Направде» (И-1, л. 217об.), «То ти наехали руские князи на силу *татарскую* и удариша копье фараужными о доспехи *татарские*, възгремели о доспехи *татарские*, възгремели мечи булатныя о шеломы *хиновские* на поле Куликове на речке Напряде» (У, л. 180об.), «То ти съступалися рускии сынове с *погаными татары* за свою обиду, а в них сияють доспехы золочеными, гремели князи руския мечи о шеломы *хыновскыя*» (И-1, л. 219об.), «Гремят мечи о шеломы *хиновъския*, *поганыи* покрыва руками главы своа. Тогда *погании* отступиша назад. Стязи ревуть, отступишася от великого князя, *погании*

¹⁵ Учитываются все списки «Задонщины», цит. по. [Зимин 2006], курсив наш.

¹⁶ Относительно формы *хинела* см. разумное предположение А. В. Соловьева [1964: 369] (о контаминации лексем *хинова* и *деремела*), несправедливо раскритикованное А. А. Зиминим [2006], который настаивал на первичности этого варианта, сравнивая его с летописными фактами *земигола* и *летьгола*.

бежать» (И-1, л. 222), «И нукнув князь Владимир, гораздо скакаше по рати *поганым*, златым шеломом посвечиваше. Гремят мечи булатныя о шеломы *хыновские*» (И-1, л. 222об.).

Судя по частой эквивалентности **хын-* = *татары, татарский* в разных списках «Задонщины», по постоянному соседству с устойчивым эпитетом *поганые* (в том числе в роли имени), по частеречной и словообразовательной вариативности слов с **хын-*, по варьированию фрагментов текста, в которых употребляется **хын-*, для переписчиков «Задонщины» лексика на **хын-* еще могла сохранять функцию атрибутива (а значит, прозрачную внутреннюю форму или по крайней мере «ощущение» пейоративности): ничто не указывает на то, что в «Задонщине» **хын-* — это «слепой» дезтимологизированный этноним, механически перенесенный из «Слова». Напротив, похоже, что **хын-* здесь еще «плавает» между двумя значениями, сформулированными нами для «Слова» — широким (негативная характеристика) и узким (народ, которому негативная характеристика приписана, в «Задонщине» — татары).

Итак, мы предполагаем, что **хын* в «Слове о полку Игореве» — это не имеющий этнонимических истоков апеллатив со значением ‘нечестивый, лживый’, в качестве атрибутива применяемый к врагам Руси и восходящий к основе праслав. **хунѣти* — **хунѣти* ‘наклонять, сгибать’, ‘обманывать; бранить’ < **хубнѣти* ‘сбиться, ошибиться’ < **хубати* ‘качаться, колебаться, двигаться’, ‘ошибаться’. В принципе это объяснение представляется вполне достаточным, однако следует еще указать, что развитие семантики ‘нечестивцы, враги’ для др.-рус. **хын-* могло быть спровоцировано внешним, неславянским влиянием.

По-видимому, именно упомянутые выше упорные поиски непременно этнонимической интерпретации для **хын* помешали исследователям увидеть интересную параллель: осет. ирон. *хѣн*, диг. *хѣнæ* ‘хитрость (злостная), лукавство, козни; хитрый, лукавый, плут; колдовство’. В. И. Абаев предполагал, что осет. *хѣн(æ)*, заимствованное также в карач.-балк. *хѣнă* ‘хитрость, колдовство’, «этимологически идентично с *кѣнæ* ‘мести’ из др.-иран. **kaina*» (~ перс. *kin*, *kina* ‘злоба, ненависть’, ср.-перс. (пазенд) *хѣн*, ав. *kaena* ‘мести’). Далее Абаев связывал осет. *хѣн(æ)* с рус. (диал.) *хинарный* ‘лукавый’, *хинарничать* ‘лукавить’ < **хинарь* ‘тот, кто занимается кознями (*хинами*)’ (суффиксация как в *звонарь*, *косарь* — см. выше) и с *прохиндей* < **хиндей* ‘занимающийся кознями, плутовством (*хин*)’ (словообразовательно аналогично, с одной стороны, рус. *чародей*, *злодей*, а с другой — осет. *хѣндæнæг* ‘колдун’, букв. ‘делающий *хѣн*’¹⁷). При этом Абаев не ставил вопроса об истоках сходства

¹⁷ По-видимому, действительно приемлемая этимология для *прохиндей* — связь этого слова с рассматриваемой здесь основой: ср. несколько иначе — из **прохиней*

русских и осетинского слов [ИЭСОЯ, 4: 201–202]. По мнению И. Гершевича, этимология от **kaēna* ‘месть’ не годится по семантическим причинам и плоха фонетически: в *xīn(æ)* в обоих диалектах *ī*, а иронскому *kīnæ* ‘месть’ в дигорском соответствует *kenæ*. Поэтому он предложил кажущуюся нам более удачной альтернативу из иран. **hinya* ‘колдовство, заклятие’ (Гершевич предлагает изначальное значение ‘(spell-)binding’, что можно понимать и как ‘плетение заклятия’, и как ‘связывание заклятием’, и это очень удачная реконструкция) < **hā(y)* ‘связывать’. При этом осетинское слово, по его мнению, следует отделять от ср.-перс. (пазэнд) *xīn*, (маних.) *ху(y)n* (**xēn*) ‘ненависть, злоба, вражда’ [Gershevitch 1971: 287].

Гершевич имел в виду основу, отраженную в ав. *hā(y)* ‘связывать, привязывать’, с превербом *ā* ‘принуждать, заставлять насильно’ (> *hīnav* ‘связь, связка, оковы’) ~ перс. *gušāyad* ‘открывает’ и др. (с реверсивным превербом **vi*), др.-инд. *syāti* ‘связывать, сковывать’ (см. [KEWAI, 3: 549–550]) [Bartholomae 1904: 1800–1801, 1814]. Ср. еще хот.-сак. *hīyā* ‘связанный’ < иран. **hai-/hi-* ‘связывать’ (< ПИЕ **sej-/si-* ‘связывать’ [IEW: 891–892]) [Bailey 1979: 483]. Версия Гершевича представляется безупречной как в фонетическом, так и в семантическом плане, и осет. *xīn(æ)*, таким образом, имеет надежную иранскую и праиндоевропейскую этимологию.

Фонетическая и семантическая близость рус. **хын* в значении ‘обман, лукавство’ (< п.-слав. **хун-*) и осет. *xīn(æ)* ‘хитрость, лукавство; колдовство’ очевидна и может быть неслучайной, при этом заимствование из славянских в осетинский исключено, если иметь в виду хорошую иранскую этимологию Гершевича. Поэтому осмелимся предположить обратное направление влияния. Аланское слово могло быть заимствовано еще в праславянский. Однако этому мешает то обстоятельство, что *xīn* скорее отразилось бы в праславянском как **šin*. Поэтому, вероятно, речь должна идти о более поздних контактах Руси и аланов¹⁸, и здесь открываются интересные эвристические возможности. Как бы ни решалась проблема автора «Слова» (последняя и, по-видимому, наиболее обоснованная диалектологическая версия — [Николаев 2020: 245–248]), не подлежит сомнению его высокая информированность о реалиях жизни южных степных соседей Руси и наличие в его лексиконе весьма

с вставным *д*, и далее родственно *хинить*, *хинарный*, *хинь* — в [Львов 1970: 85], с чем был солидарен и О. Н. Трубачев [Фасмер, 3: 385].

¹⁸ О взаимоотношениях аланов и Руси (к XII в. ставших вполне устоявшимися, подкреплявшимися престижными браками и под.), аланов и половцев (в XII в. еще достаточно враждебных, а в начале XIII в. отмеченных предательством половцев в столкновении с монголами) см. подробно с литературой [Кузнецов 1992], свод источников см. в [Алемань 2003].

представительного корпуса «восточных элементов» [Менгес 1979]. Возможно, использование эпитета **хын* в отношении половцев (с дальнейшим распространением его на других врагов Руси) отражает аналогичное употребление слова *xīn* аланами: зная, что такое определение аланы (ясы) использовали применительно к половцам, автор «Слова» употребил сходное по звучанию и значению древнерусское слово¹⁹. До некоторой степени это похоже на замеченную В. И. Абаевым параллель между *синим вином* во сне Святослава в «Слове» и осет. *c'æx araq* 'синий ара́к' [Абаев 1985], только в последнем случае перед нами простая калька, а в нашем — калька, дополненная и фонетическим сходством древнерусского и осетинского слов²⁰. Здесь, чтобы быть понятыми правильно, мы специально хотим подчеркнуть: мы не рассматриваем **хын* в «Слове» как аланское заимствование, а предполагаем влияние аланской (сходной и фонетически, и семантически) лексемы на выбор автором «Слова» славянского **хуп* для характеристики врагов Руси. Предлагать эту довольно сложную гипотезу нас заставляет возможность с ее помощью объяснить два важных обстоятельства. Во-первых, предлагаемый сценарий мог бы быть причиной гапаксного характера эпитета **хын* в «Слове»: в таком случае он может рассматриваться как продукт личного опыта и языкового творчества одного автора. Во-вторых, поскольку осетинское слово, не осложненное суффиксацией (кроме, естественно, исторического изафета на -у), функционирует и как существительное, и как прилагательное, это могло бы объяснять еще и специфическое использование форм существительного **хынъ* в «Слове» — там, где в древнерусском языке ожидался бы скорее адъектив.

В заключение обратим внимание читателя на интересный сюжет, разворачивающийся вокруг слов на *хын-* (< **хунити*) в древнерусском и затем русском языке. В поле зрения литературного языка оказываются буквально три продолжения этой основы, причем они настолько далеки друг от друга семантически и стилистически, что не воспринимаются как родственные ни рядовыми носителями языка, ни даже лингвистами: это гапакс *хынове* (*хинова*) из «Слова о полку Игореве» (XII в.), признававшийся этнонимом; лексема *ахиня*, для которой предлагалась этимология из греческого [см.: Виноградов 1994] (фиксации слова

¹⁹ В качестве возможной специальной параллели к *хиновъскыя стрѣлки* в плаче Ярославны ср. осет. *xīny k'alīw* 'колдовская ветка': о человеке, пораженном болезнью, говорят, что его настигла чья-то колдовская ветка (благодарим за консультацию Ю. А. Дзицойты). К более широко распространенным идиоматическим конструкциям принадлежит осет. *xīn mītæ — jæ fat* 'хитрые дела как стрелы' (два вхождения в [ОНК]).

²⁰ О других возможных связях «Слова» с осетинским языком и фольклором с библиографией см. [Дзицойты 2024].

с XVIII в. [НКРЯ]); и просторечное слово *прохиндей* (фиксации слова с начала XX в. — [НКРЯ]). При этом диалекты русского языка знают множество слов с **хин-* разной частеречной принадлежности, с разнообразным словообразованием, которые реализуют разные семантические линии праслав. **хуп-*. Видимо, специфически диалектная стратификация на русской почве свойственна этой основе на протяжении уже тысячелетия.

Библиография

Источники

Былины

Свод русского фольклора. Былины. Т. 5: Север Европейской России. Былины Мезени, Горелов А. А., отв. ред., С.-Петербург, Москва, 2006.

Гринченко, 1–4

Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина», 1–4, Гринченко Б. Д., ред., Киев, 1907–1909.

ИЭСОЯ, 1–5

Абаев В. И., *Историко-этимологический словарь осетинского языка*, 1–5, Ленинград, Москва, 1958–1989.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

ОНК

Осетинский национальный корпус (<http://corpus.ossetic-studies.org>).

Носович 1870

Носович И. И., *Словарь белорусского наречия*, С.-Петербург, Москва, 1870.

Слово 1800

Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие, Москва, 1800.

СлРЯ XI–XVII вв., 1–32–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–32–, Бархударов С. Г., гл. ред., Москва, 1975–.

СОПИ 1950

Слово о полку Игореве, Адрианова-Перетц В. П., ред., Москва, Ленинград, 1950.

СОПИ 1955

Слово о полку Игореве, Москва, 1955.

СРНГ, 1–52–

Словарь русских народных говоров, 1–52–, Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Мызников С. А., ред., Москва, Ленинград, С.-Петербург, 1965–.

Фасмер, 1–4

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, 1–4, Трубачев О. Н., пер. с нем. и доп., Москва, 1964–1973.

ЭССЯ, 1–52–

Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд, 1–39–, Трубачев О. Н., Журавлев А. Ф., Варбот Ж. Ж., ред., Москва, 1974–.

- Bailey 1979
Bailey H. W., *Dictionary of Khotan Saka*, Cambridge, 1979.
- Bartholomae 1904
Bartholomae Ch., *Altiranische Wörterbuch*, Strassburg, 1904.
- Berneker 1908–1913
Berneker E., *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, 1, Heidelberg, 1908–1913.
- IEW
Pokorny J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern, Wien, 1959.
- KEWAI, 1–4
Mayrhofer M., *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, 1–4, Heidelberg, 1976.
- Matzenauer 1881
Matzenauer A., Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu, *Listy filologické a paedagogické*, 8, 1881, 1–48.

Литература

- Абаев 1985
Абаев В. И., Parerga 1. «Синее вино» в «Слове о полку Игореве», *Вопросы языкознания*, 6, 1985, 40–41.
- Алемань 2003
Алемань А., *Аланы в древних и средневековых письменных источниках*, Москва, 2003.
- Березович 2007
Березович Е. Л., *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*, Москва, 2007.
- Варбот 1984
Варбот Ж. Ж., *Праславянская морфология. Словообразование и этимология*, Москва, 1984.
- Виноградов 1994
Виноградов В. В., Ахинея, *История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных*, Шведова Н. Ю., отв. ред., Москва, 1994, 41–54.
- Гузев, Творогов 1995
Гузев В. Г., Творогов О. В., Хин(ова), *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*, 5, Творогов О. В., отв. ред., С.-Петербург, 1995, 179–183.
- Дзиццойты 2024
Дзиццойты Ю., «Слово о полку Игореве» æмæ Ирыстон, *Актуальные вопросы осетинского языкознания*, 2, 2024, 32–116.
- Добродомов 1978
Добродомов И. Г., О половецких этнонимах в древнерусской литературе, *Туркологический сборник — 1975*, Кононов А. Н., отв. ред., Москва, 1978, 102–129.
- Добродомов, Улуханов 1966
Добродомов И. Г., Улуханов И. С., [Рец.:] Čiž'evska T. Glossary of the Igor' Tale. The Hague: Mouton and Co., 1966, *Вопросы языкознания*, 6, 1966, 116–121.
- Дыбо 2014
Дыбо А. В., Булгарские заимствования в венгерском: проблема отражения *Q-, *Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: материалы международной конференции*, Салаев Б. К., отв. ред., Элиста, 2014, 86–93.
- Зализняк 2008
Зализняк А. А., «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста, Москва, 2008.

Зимин 2006

Зимин А. А., *Слово о полку Игореве*, С.-Петербург, 2006.

Кузнецов 1992

Кузнецов В. А., *Очерки истории алан*, изд. 2-е, доп., Владикавказ, 1992.

Кучко 2017

Кучко В. С., *Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров*: дис. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2017.

Львов 1970

Львов А. С., Врач. Существует ли приставка *тре* в русском языке? Прохиндей, *Русская речь*, 1, 1970, 82–85.

Менгес 1979

Менгес К. Г., *Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»*, Ленинград, 1979.

Напольских, Сурикова 2024

Напольских В. В., Сурикова О. Д., Еще раз об этимологии этнонима *мордва*, *Вопросы ономастики*, 21/3, 2024, 9–40.

Николаев 2020

Николаев С. Л., *«Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста*, Москва, С.-Петербург, 2020.

Прозоровский 1882

Прозоровский Д. И., Новый опыт объяснительного изложения «Слова о полку Игореве», *Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества*, 3, 1882, 211–292.

Расовский 1936

Расовский Д. А., Хинова, *Seminarium Kondakovianum*, 8, 1936, 301–306.

Рудаков 2014

Рудаков В. Н., *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.*, Москва, 2014.

Соловьев 1964

Соловьев А. В., Восемь заметок к «Слову о полку Игореве», *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 20: *Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII веков*, Лихачев Д. С., отв. ред., Москва, Ленинград, 1964, 365–385.

Хелемендик 2007

Хелемендик А. В., *Генетическая характеристика лексико-семантического поля «ругать(ся)» в русском языке*: дис. ... канд. филол. наук, Москва, 2007.

Шарифуллин 1998

Шарифуллин Б. Я., *Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири (Экспрессивный фонд языка)*: дис. ... докт. филол. наук, Красноярск, 1998.

Agyagási 2019

Agyagási K., *Chuvash historical phonetics*, Wiesbaden, 2019.

Erdal 1993

Erdal M., *Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften*, Wiesbaden, 1993.

ERNJ

Matasović R., Pronk T., Ivšić D., Brozović Rončević D., *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*, 1, Matasović R., ur., Zagreb, 2016.

Gershevitch 1971

Gershevitch I., Iranian words containing *ān*, *Iran and Islam. In memory of the late Vladimir Minorsky*, Bosworth C. E., ed., Edinburgh, 1971, 268–291.

Golden 1992

Golden P. B., *An introduction to the history of the Turkic peoples. Ethnogenesis and state-formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*, Wiesbaden, 1992.

Moravcsik 1960

Moravcsik Gy., Zur Frage der *хуннове* im Igor-Lied, *International journal of Slavic linguistics and poetics*, 3, 1960, 69–72.

Profous 1949

Profous A., *Místní jména v Čechách. Jejich vznik, původní význam a změny*, 2, Praha, 1949.

SGP, 11

Słownik gwar polskich, 4/2 (11), Reichen J., kier., Kraków, 1991.

Skok 1971

Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 1: A–J, Zagreb, 1971.

Sobolevskij 1909

Sobolevskij A., Altrussisches *хынѣ*, *Archiv für slavische Philologie*, 1909, 30, 474.

References

Abaev V. I., Parerga I. "Sinee vino" v "Slove o polku Igoreve", *Voprosy jazykoznanija*, 6, 1985, 40–41.

Agyagási K., *Chuvash historical phonetics*, Wiesbaden, 2019.

Aleman A., *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh*, Moscow, 2003.

Berezovich E. L., *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniia*, Moscow, 2007.

Dzitsoity Yu., "Slovo o polku Igoreve" æmæ Iryston, *Aktual'nye voprosy osetinskogo iazykoznanii*, 2, 2024, 32–116.

Dobrodomov I. G., O polovetskikh etnonimakh v drevnerusskoi literature, *Tiurkologicheskii sbornik — 1975*, Kononov A. N., ed., Moscow, 1978, 102–129.

Dobrodomov I. G., Ulukhanov I. S., [Rev.:] Čiževska T. Glossary of the Igor' Tale. The Hague: Mouton and Co., 1966, *Voprosy jazykoznanija*, 6, 1966, 116–121.

Dybo A. V., Bulgarskie zaimstvovaniia v vengerskom: problema otrazheniia *Q-, *Aktual'nye problemy sovremennoho mongolovedeniia i altaistiki: materialy mezhdunarodnoi konferentsii*, Salaev B. K., ed., Elista, 2014, 86–93.

Erdal M., *Die Sprache der wolgalbolgarischen Inschriften*, Wiesbaden, 1993.

Gershevitch I., Iranian words containing *ān*, *Iran and Islam. In memory of the late Vladimir Minorsky*, Bosworth C. E., ed., Edinburgh, 1971, 268–291.

Golden P. B., *An introduction to the history of the Turkic peoples. Ethnogenesis and state-formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*, Wiesbaden, 1992.

Guzev V. G., Tvorogov O. V., Khin(ova), *Entsiklopediia "Slova o polku Igoreve"*, 5, Tvorogov O. V., ed., St. Petersburg, 1995, 179–183.

Kuznetsov V. A., *Očerki istorii alan*, 2nd. ed., Vladikavkaz, 1992.

Lvov A. S., Vrach. Sushchestvuet li pristavka tre v russkom iazyke? Prokhindei, *Russkaia rech'*, 1, 1970, 82–85.

Matasović R., Pronk T., Ivšić D., Brozović Rončević D., *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*, 1, Matasović R., ur., Zagreb, 2016.

Menges K. G., *Vostochnye elementy v "Slove o polku Igoreve"*, Leningrad, 1979.

Moravcsik Gy., Zur Frage der *хуннове* im Igor-Lied, *International journal of Slavic linguistics and poetics*, 3, 1960, 69–72.

Napol'skikh V. V., Surikova O. D., Revisiting the Etymology of the Ethnonym *Mordva*, *Voprosy Onomastiki*, 21/3, 2024, 9–40.

Nikolaev S. L., "Slovo o polku Igoreve": *rekonstruktsiia stikhotvornogo teksta*, Moscow, St. Petersburg, 2020.

Profous A., *Místní jména v Čechách. Jejich vznik, původní význam a změny*, 2, Praha, 1949.

Rasovsky D. A., Khinova, *Seminarium Kondakovianum*, 8, 1936, 301–306.

Rudakov V. N., *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov srediny XIII–XV vv.*, Moscow, 2014.

Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 1: A–J, Zagreb, 1971.

Solovyev A. V., Vosem' zametok k "Slovu o polku Igoreve", *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. T. 20: *Aktual'nye zadachi izucheniia russkoi literatury XI–XVII vekov*, Likhachev D. S., ed., Moscow, Leningrad, 1964, 365–385.

Varbot Zh. Zh., *Praslavianskaia morfonologija. Slovoobrazovanie i etimologija*, Moscow, 1984.

Vinogradov V. V., Akhineia, *Istoriia slov: okolo 1500 slov i vyrazhenii i bolee 5000 slov, s nimi sviazannykh*, Shvedova N. Yu., ed., Moscow, 1994, 41–54.

Vinogradov V. V., Akhineia, *Istoriia slov: okolo 1500 slov i vyrazhenii i bolee 5000 slov, s nimi sviazannykh*, Shvedova N. Yu., ed., Moscow, 1994, 41–54.

Zaliznyak A. A., *“Slovo o polku Igoreve”: vzgliad lingvista*, Moscow, 2008.

Zimin A. A., *Slovo o polku Igoreve*, St. Petersburg, 2006.

Владимир Владимирович Напольских, доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник
Уральского федерального университета
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51;
главный научный сотрудник
Института истории и археологии
Уральского отделения РАН
620108, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16
Россия / Russia
vovia.nap@ya.ru

Олеся Дмитриевна Сурикова, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Уральского федерального университета
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51;
научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
121019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
surok62@mail.ru

Received August 21, 2025